

О ПАЛИНОДИИ—ЗАХАРИИ БОПЫСТЕНСКАГО.

(Библиографическій очеркъ).

Сочиненіе »Палинодія« представляет характерныя черты своего времени, и потому имѣетъ научно-историческій интересъ. Оно принадлежитъ перу ученаго мужа и относится къ первой четверти XVII в. Сочиненіе это, можетъ быть, тогда довольно распространенное, въ настоящее время составляетъ библиографическую рѣдкость. Насколько намъ извѣстно, оно находится только въ шести экземплярахъ, и притомъ рукописныхъ. Самый оригиналъ, за собственноручнымъ подписомъ автора, сохранявшійся прежде въ киевпечерской лаврѣ ¹⁾, въ настоящее время находится въ неизвѣстности ²⁾. Позднѣйшіе же списки, нѣкогда принадлежавшіе частнымъ лицамъ, теперь составляютъ драгоценную собственность нѣкоторыхъ библиотекъ. Количество этихъ списковъ, такимъ образомъ, очень ограничено. Литературныя свѣдѣнія о нихъ тоже довольно скудны и оставлены безъ всякаго между собою соотношенія. Еще скуднѣе они о самой Палинодіи, какъ историческомъ памятникѣ извѣстнаго времени.

¹⁾ Опис. киевософ. собора—м. Евгенія. К. 1825. стр. 61. Опис. киевпечерской лавры—1826. XII. стр. 116. Слов. Ист.—изд. 2-е. Спб. 1827. т. 1. стр. 187.

²⁾ Г. Викторовъ говоритъ, что подлинникъ недавно утраченъ изъ библ. киево-софійскаго собора (Славяно-руск. рукоп. В. М. Ундольскаго. М. 1870. стр. 306). Но это сказано невѣрно, безъ всякаго основанія. Рукопись эта никогда и не была въ библиотекѣ киево.-соф. собора.

Палинодія состоитъ изъ четырехъ частей. Каждая часть подраздѣляется на главы (раздѣлы), а главы въ свою очередь на отдѣленія.

Самой Палинодіи предшествуетъ »Предмова«. Бѣдственное положеніе единовѣрцевъ заставляеть Захарію Копыстенскаго упомянуть въ предисловіи о современныхъ ему обстоятельствахъ. Дѣлая переходъ къ современнымъ бѣдствіямъ церкви русской, авторъ говоритъ такъ: »такіе отступники всегда и вездѣ были, теперь же явились они у насъ. Эти измѣнники хулятъ св. восточную Церковь, и восточныхъ патріарховъ, и вообще вѣхъ православныхъ христіанъ; издають книги, въ которыхъ безъ зазрѣнія совѣсти, скрывая истину, пишутъ однѣ выдумки и наполняютъ ихъ всякаго рода нелѣпостями; мало того, они совершенно безъ причины привлекають насъ къ судамъ, потрясають наше благосостояніе и позволяютъ себѣ на нашъ счетъ всякія глупости и неумѣстныя выходки, не стыдятся того, что въ нашей церкви есть и философы и богословы. Впрочемъ, эти ученые мужи не всѣ издають въ свѣтъ сочиненія, предпочитая жизнь болѣе созерцательную въ тишинѣ и богомыслии; да если кто изъ нашихъ и напишетъ иногда сочиненіе противъ Латинянъ; то такого, при помощи свѣтской власти, безсовѣстно начинаютъ притѣснять и преслѣдовать. Такъ неужели въ силу такихъ-то обстоятельствъ нельзя намъ дать отвѣтъ тѣмъ отступникамъ, что называются уніатами, и нельзя представить доказательства въ защиту правоты своей?—вѣдь это допускается закономъ всѣхъ народовъ; а если такъ, то, конечно, и намъ, одареннымъ словомъ и разумомъ, относительно злыхъ языковъ не должно быть нѣмыми, дабы не войти въ притчу: и невѣжды молчатъ, какъ рыбы влекомыя«. Вотъ, опираясь на этомъ-то

общенародномъ правѣ и чтобы не быть притчею и, кромѣ того, побуждаемый къ тому знатными духовными и свѣтскими лицами, я рѣшился написать сію книгу тѣмъ болѣе, что въ этомъ дѣлѣ мнѣ не иначе можно было поступить, какъ только покориться волѣ и исполнить желаніе православѣрныхъ; рѣшился я освѣтить свое православіе и показать, что на насъ православныхъ дѣлаютъ ложные доносы судьямъ и начальникамъ, дабы они къ народу русскому могли стать въ должныя отношенія и перестали бы помогать нашимъ оскорбителямъ. Повторю еще, что, надѣясь на благодать всесвятаго Духа, я взялся за сіе нелегкое дѣло—написать книгу—единственно по любви и изъ желанія спасенія, какъ своимъ православнымъ собратіямъ, такъ равно и отступникамъ—противникамъ нашимъ, потому что по долгу совѣсти мы обязаны и словомъ, и писаніемъ содѣйствовать спасенію ближнихъ. Впрочемъ, у меня есть къ тому и другая причина—желаніе вывести изъ заблужденія противниковъ и всѣхъ, которые имъ помогаютъ своею властію и увѣреніемъ, что будто бы, привлекая къ суду русскихъ и однихъ тайно, а другихъ и явно предавая тяжкимъ мученіямъ, они тѣмъ самымъ приносятъ службу Богу¹⁾. Далѣе авторъ проводитъ аналогичность между современными бѣдствіями православныхъ и страданіями въ древнія времена св. мучениковъ, говоритъ о твердости и постоянствѣ въ вѣрѣ, и наконецъ заканчиваетъ предисловіе указаніемъ на планъ своего сочиненія и на цензуру его «людьми мудрыми и искусными въ святомъ писаніи». Послѣ предисловія слѣдуетъ выдержка изъ похвальнаго слова Григорія Богослова св. Аѳанасію В., именно то мѣсто, въ

1) Л. 2. об. 3.

которомъ св. Григорій, вспоминая школьную жизнь, говоритъ объ отсутствіи въ то время надмѣнной изысканности въ языкѣ и замысловатости въ богословіи. Очевидно, эта выдержка сдѣлана авторомъ съ цѣлю предварить читателя, что онъ въ своемъ сочиненіи будетъ руководствоваться методомъ древнихъ отцевъ, т. е. будетъ писать о всемъ просто и откровенно, а не такъ, какъ тѣ, »которые, скрывая истину безъ зазрѣнія совѣсти, пишутъ однѣ выдумки и разныя нелѣпости«. За выдержкой слѣдуютъ замѣчанія противъ подлинности извѣстной грамоты, приписываемой св. Константину В., о преимуществахъ, предоставленныхъ будто бы имъ папѣ Сильвестру и преемникамъ его. Сказавъ, что такое привиллегія, которую папы представляютъ въ свою пользу, далѣе авторъ дѣлаетъ длинный—предлинный перечень источниковъ, которыми онъ пользовался въ своей Палинодіи. Послѣ перечня источниковъ въ порядкѣ изложенія слѣдуетъ завѣщаніе 40 Севастійскихъ мучениковъ. Это завѣщаніе положено въ началѣ книги, вѣроятно, по примѣненію ихъ увѣщанія къ состоянію страждущихъ христіанъ православныхъ въ Малороссіи.

И предмова, и выдержка изъ похвального слова Григорія Богослова, и опроверженіе мнимой привиллегіи Константина В., и перечень источниковъ, и завѣщаніе Севастійскихъ мучениковъ (л. 1 об.—11),—все это у Захарія Бопыстенскаго составляетъ какъ бы вступленіе къ его сочиненію, а потому и не подведено имъ подъ особыя рубрики.

Первая часть (л. 11 об.—75) Палинодіи состоитъ изъ трехъ главъ, изъ которыхъ въ первой главѣ девять отдѣленій, во второй—пять, въ третьей—три. Здѣсь авторъ преимущественно обращаетъ вниманіе на одиночную бесѣду Господа съ ап. Петромъ. Устанавливая православный

взглядъ на эти слова св. Писанія, онъ приводитъ изъ него и параллельныя мѣста, и факты изъ жизни св. апостоловъ, и толкованія св. Отцевъ, и выдержки изъ богослужебныхъ книгъ, и свидѣтельства исторіи, и проч. Все это онъ дѣлаетъ съ цѣлію опровергнуть своихъ противниковъ и ихъ «мнимую монархію въ церкви», учрежденіе которой они видятъ въ единоличной бесѣдѣ Господа съ ап. Петромъ. Такимъ образомъ, вся первая часть Палинодіи собственно богословско-полемиическая. Впрочемъ, во 2-й гл. представлено два—три историческихъ факта, которые приводятся Копыстенскимъ, между прочимъ, въ доказательство дѣйствительности права, принадлежащаго восточнымъ патріархамъ, права вязать и рѣшить совѣсти людей. Мы укажемъ только на первый—фактъ, какъ онъ передается у нашего автора. Патріархъ антиохійскій Іоакимъ, говоритъ онъ, въ бытность свою въ Коронѣ польской 1579 г., во Львовѣ отлучилъ отъ церкви священника Григорія, по прозванію Горбачевскаго, за то, что онъ, давши обѣтъ Богу и сдѣлавшись чернецомъ, нарушилъ потомъ эту присягу и, женившись, сдѣлался священникомъ. Черезъ десять лѣтъ послѣ того 1587 г. Горбачевскій умеръ во Львовѣ и похороненъ на кладбищѣ Братской церкви Успенія Богородицы. Но чрезъ три года по смерти его, во время перестройки этой церкви, когда рыли фундаментъ, откопана была сбоку и та могила, въ которой лежалъ этотъ священникъ. Когда же сдвинута была верхняя гробовая доска, то увидѣли тѣло его надутое, какъ мѣхъ, твердое, какъ камень, и черное, какъ уголь. Народъ—и духовные и свѣтскіе—знавшій объ отлученіи, наложенномъ на Горбачевскаго, вмѣстѣ съ удивленіемъ отнесся къ этому и сострадательно. Впрочемъ тѣло было опять зарыто. Но братъ Горбачевскаго, Сусеонъ,

мужь благочестивый и книжный, отправился въ Константинополь, донесъ объ этомъ бывшему въ то время патриарху Іереміи, отъ котораго и получилъ разрѣшительный листъ. По возвращеніи изъ Константинополя Сумеона Горбачевскаго 1591 г., тѣло его брата такое же черное было вырыто и, по прочтеніи надъ нимъ разрѣшительной грамоты, тотчасъ превратилось въ прахъ. Такая сила власти ключей царства небеснаго, говорить въ заключеніе авторъ, у патриарховъ нашихъ, пастырей св. восточной церкви (!¹⁾). Далѣе, въ подтвержденіе той же мысли, представлены Копыстенскимъ еще два такихъ же случая, бывшіе въ Константинополѣ. Именно тѣло одной женщины, отлученной отъ церкви патриархомъ Геннадіемъ, было принято землею, чрезъ тридцать лѣтъ по смерти ея, только послѣ того, какъ было снято съ нея отлученіе патриархомъ Максимомъ. Другой случай изъ жизни одного діакона, Арсенія, который, въ 1516 г. отправившись къ папѣ Льву X, при содѣйствіи его занялъ каедрю митрополита Монемавасійскаго, послушнаго патриарху константинопольскому, за что и былъ отлученъ отъ церкви патриархомъ Пахоміемъ²⁾. Свѣдѣнія эти представлены нашимъ авторомъ на основаніи свидѣтельствъ Мартина Крусія (въ Туркогречіи) и Θεодосія Загомала (кн. 1. строк. 27. л. 1069).

Вторая часть (л. 75—403) Палинодіи состоитъ изъ тринадцати главъ. Равноправность св. апостоловъ, основательно доказанная авторомъ въ первой, переводится здѣсь на всѣхъ епископовъ, какъ ихъ преемниковъ въ административномъ управленіи церковію и въ раздаваніи благодати членамъ ея. Полемизируя противъ сочиненія Кривзы, нашъ

1) Ibid. т. 1. р. 3. ст. 2. л. 69 об. 70.

2) Ibid. л. 70. 71.

авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ подвергаетъ строгой критикѣ тѣ историческіе факты, которые представлены имъ, какъ доказательство вселенской аппеляціи къ папѣ, т. е. аппеляціи будто бы со всего свѣта. Здѣсь же указывается авторомъ много историческихъ фактовъ и изъ современной ему жизни южно-русскаго народа и высказываются имъ взгляды далеко не безынтересныя. Такъ напр. въ разд. 1 арт. 1. л. 84 говорится о посольствѣ въ Римъ Поцѣя и Терлецкаго; въ р. 4, ар. 6, л. 135 указывается на знаменитаго и ученаго каноника Перемышльскаго, Станислава Орѣховскаго, что онъ, недовольный судомъ архиепископовъ и бископовъ на провинціальномъ соборѣ въ Варшавѣ, въ 1561 г. законно обращался съ аппеляціею къ конст. патриарху, какъ къ своему верховному пастырю; здѣсь, между прочимъ, рекомендуется авторомъ и прочимъ полякамъ подражать поступку этого ученаго мужа. О поступкѣ Орѣховскаго говорится и въ другомъ мѣстѣ (ч. 3 р. 1 ар. 2 л. 429 об.), впрочемъ съ небольшими дополненіями. Въ р. 12 ар. 4 л. 362 об., опровергая укорины въ невѣжествѣ, взводимыя на православныхъ противниками, нашъ авторъ, между прочимъ, выставляетъ на видъ нѣкоторыхъ современниковъ, какъ ученѣйшихъ мужей своего времени, вполне заслуживающихъ названіе учителей. Въ этомъ отношеніи онъ указываетъ на инока преподобнаго Артемія, который многихъ аріанъ и лютеранъ обратилъ въ Литвѣ къ Христу; монаха Стефана Зизанія, ученѣйшаго мужа въ греческомъ и славянскомъ языкахъ; блаженнаго Леонтія Карповича, архимандрита Виленскаго, мужа богодухновеннаго въ языкахъ греческомъ и латинскомъ, поборника и ревнителя православія; пречестнаго Виталія, учителя и философа. Какъ во второй части, такъ и въ другихъ, нашъ

авторъ не разъ дѣлаетъ отзывъ о Великой Руси Московской. Такъ напр., упомянувъ объ ученыхъ мужахъ своего времени, онъ тотчасъ обращается къ Руси московской, говоря, что »и въ Москвѣ есть много мужей ученыхъ и православныхъ богослововъ, знающихъ греческій языкъ«.... Выставляя на видъ святыню земли Русской, какъ главный признакъ ея православія, отъ Кіева онъ дѣлаетъ такой переходъ къ Москвѣ: »пойдемъ же еще въ великую Россію, въ тамошніе монастыри; мы найдемъ тамъ многихъ святыхъ, живыхъ и умершихъ чудотворцевъ. Наша Русь (малая), и Ляхи, и Литва наглядѣлись на нихъ въ тѣ дни, когда воевали ту землю, видѣли тамъ святыхъ, нетлѣнно почивающихъ нѣсколько сотъ лѣтъ, видѣли и святыхъ великихъ постниковъ« (р. 10 ар. 6 л. 316 об.) и проч. Въ р. 12 ар. 2 л. 352—354 довольно небезынтересно высказывается Копыстенскимъ взглядъ на заграничное образованіе молодыхъ русскихъ людей того времени. Въ западныхъ наукахъ онъ не видитъ самостоятельности. »Наука явилась, по словамъ его, собственно въ Греціи и на западную почву перенесена впоследствии, въ особенности же около 1400 г. Въ это время, говоритъ нашъ авторъ, принесли её съ востока на западъ Еммануиль Хрисолюрасъ, Феодоръ Газа, Георгій Трапезунтскій, Еммануиль Мосхопулъ, Димитрій Халкокондидъ, Карусъ Константинопольчикъ и другіе. Такимъ образомъ, всё отрасли наукъ у Латинянь не свои: Философія Платонова и Аристотелева, слѣдовательно греческая; богословіемъ, говоритъ авторъ, дышать они восточнымъ; если бы не книги великихъ вселенскихъ учителей: Діонисія, Климента, Афанасія, Василія, Ефрема, Григоріевъ Нисскаго и Назіанскаго, Іоанна Златоустаго, Кирилловъ Іерусалимскаго и Александрійскаго, Іоанна Да-

маскина, Теофилакта, игумена Евфимія и другихъ; тогда бы они ничего не могли сдѣлать противъ арианъ, лютеранъ и другихъ еретиковъ. Если бы не историки греческіе, то мы ничего не знали бы о первыхъ временахъ христіанства». Сообразно съ такими-то разсужденіями и высказывается онъ относительно образованія русскихъ людей въ западныхъ школахъ. Хотя русскіе и отправляются учиться въ нѣмецкія страны, но отправляются туда не за латинскою мудростію, а за греческой, слѣдовательно за своею же; тамъ они отбираютъ науку, какъ свою собственную, повѣренную западнымъ отъ грековъ только на короткое время». Характерна и метода заграничнаго образованія русскихъ: »скорлупу латинскую они отбрасываютъ, а зерно берутъ, угли оставляютъ, а золото вынимаютъ»... »Латинская же мудрость собственно схоластическая, явившаяся у нихъ съ 1300 г., съ которою они, по словамъ автора, высоко летаютъ, а низко падаютъ. Латинская схоластика, не принося никакой пользы латинянамъ, не приноситъ пользы и русскимъ; мало того, въ дѣлахъ вѣры, по словамъ автора, не приносятъ пользы русскимъ и протестантскія академіи, не смотря на то, что въ нихъ образованіе стоитъ несравненно выше, чѣмъ у католиковъ» (р. 12 ар. 3 л. 355).

Третья часть Палинодіи (л. 404—492) состоитъ изъ пяти главъ. И по содержанію, и по характеру эта часть скорѣе историческая, чѣмъ полемическая. Здѣсь авторъ болѣе спокойно, съ извѣстною цѣлію пишетъ исторію іерархической зависимости Руси отъ Византіи съ первыхъ лѣтъ ея обращенія въ христіанство. Фактъ, что вѣра христіанская на Руси впервые принята отъ ап. Андрея, служитъ у нашего автора первымъ доказательствомъ подчиненности ея въ іерархическомъ отношеніи конст. патріарху. Въ приня-

тии христіанства народомъ русскимъ именно отъ грековъ, а не отъ латинянъ, указывается особенная воля Божія, обнаружившаяся самымъ осязательнымъ образомъ при крещеніи русскихъ, т. е. чудесами. Во второмъ отдѣленіи той же главы говоритъ о другихъ славянскихъ племенахъ - Моравахъ, Сербахъ, Чехахъ, Уграхъ и о Ляхахъ, принявшихъ крещеніе тоже изъ Византіи, о томъ, какъ со временемъ влѣзла въ нѣмъ Латинская вѣра при Войцѣхѣ, который истреблялъ между этими племенами славянское письмо и распространялъ, вмѣсто греческой, латинскую вѣру, пока не былъ убитъ въ Пруссіи. Вообще, здѣсь авторъ доказываетъ, что у всѣхъ славянскихъ народовъ первоначально была вѣра греческая до Войцѣха; впрочемъ, по словамъ его, существовала она здѣсь и послѣ него и уже совершенно изгнана Гуссомъ, Лютеромъ и Кальвиномъ. Описывая миссіонерскую дѣятельность у славянъ Кирилла и Меодія, нашъ авторъ въ тоже время старается опровергнуть мысль своего противника, что будто бы миссіонерская дѣятельность Кирилла и Меодія есть дѣло папы, съ позволенія котораго они и проповѣдывали народамъ славянскимъ. Бревза, между прочимъ, свою мысль доказываетъ самымъ путешествіемъ св. братьевъ въ Римъ, гдѣ одинъ изъ-нихъ Кириллъ и скончался. »Но тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, говоритъ нашъ авторъ, ибо между нынѣшнимъ Римомъ и тѣмъ, въ которомъ жилъ и умеръ св. Кириллъ, такая же разница, какъ теперь между восточною и западною вѣрою; притомъ въ Римѣ въ то время были ставропигіальные монастыри конст. патріарха, въ одномъ изъ которыхъ жилъ и преставился св. Кириллъ« (л. 429 об.). Впрочемъ, костель Римскій, во время крещенія Руси при Владимірѣ, по словамъ Копыстенскаго, началъ уже колебаться въ своемъ православіи, склоняясь къ схи-

змѣ и въ разрыву единенія съ константинопольскою и со всею восточною Церковію. Доказывая эту мысль въ слѣдующемъ третьемъ отдѣленіи, онъ указываетъ въ этомъ отношеніи на то обстоятельство, что Владиміръ при самомъ крещеніи въ Корсунѣ получилъ отъ грековъ наставленіе вѣрвать согласно съ ученіемъ восточной церкви (здѣсь Копыстенскій передаетъ содержаніе такъ называемаго символа Владимірова), что послѣ того греки посылали къ Владиміру нарочитаго предупредить его беречься заблужденій латинскихъ и что, наконецъ, между церковно-богослужебными книгами, полученными имъ отъ грековъ, въ книгѣ подъ названіемъ *Εὐχολόγιου* т. е. требникъ, былъ написанъ между прочимъ и тишигъ, т. е. наставленіе, какъ принимать въ церковь приходящихъ отъ римскаго костела. Продолжая доказывать зависимость Руси отъ Византіи, нашъ авторъ во второй главѣ представляетъ въ хронологическомъ порядкѣ краткую біографію русскихъ митрополитовъ съ цѣлю показать, что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ общенія съ Римомъ и не принималъ посвященія отъ папы, что напротивъ всѣ они находились въ повиновеніи и подчиненіи Константинопольскому патріарху, отъ котораго и принимали посвященіе или утвержденіе въ санѣ митрополита. Представляя, такъ сказать, *curriculum vitae* митрополитовъ, нашъ авторъ въ тоже время старается доказать православіе каждаго изъ нихъ и опровергнуть противоположный отзывъ о нихъ Кревзы. Въ этомъ отношеніи онъ дѣлаетъ исключеніе только о митрополитѣ Исидорѣ, бывшемъ на флорентійскомъ соборѣ и о современникѣ Михаилѣ Рогозѣ, которыхъ прямо называетъ отступниками отъ православія. Впрочемъ, къ послѣднему онъ относится съ замѣтнымъ сочувствіемъ и сожалѣніемъ, слагая вину болѣе на самыя обстоятельства, чѣмъ на Рогозу, который

до самой смерти не переставалъ раскаиваться въ своемъ проступкѣ. > Въ правдѣ той Михаилъ Рогоза, говоритъ Копыстенскій, барзо жаловалъ своего упадку и хотѣлъ былъ вернуть на свой правій першій путь, еножь хлѣбомъ, честью, суетою того свѣта былъ прельщенъ, такъ для тихъ же не осмѣлился явне ярма звергти папешкаго, и на всѣ дни живота своего на сумнѣнью не былъ спокойный и пришло до того, же при смерти отволивалъ свою апостасію, и отъ православнаго духовника жадалъ з души, еножь предстатели латиннигове зборонили и не допустили. < (91) Въ той же главѣ, послѣ перечня митрополитовъ, представленъ авторомъ перечень патріарховъ со времени флорентійской уніи, потомъ описывается довольно мрачными чертами нравственное состояніе современнаго автору высшаго духовенства, говорится о посѣщеніи Россіи патріархомъ Іереміею и о распоряженіяхъ его на пользу Русской церкви, затѣмъ о Кириллѣ Терлецкомъ, котораго авторъ называетъ хитрой лисицей; наконецъ говорится о началѣ, развитіи и результатахъ уніи, и мрачными красками описываются главные виновники ея—Терлецкій и Поцѣй.

Послѣдняя, четвертая, часть Палинодіи (л. 493—522) состоитъ изъ двухъ главъ, изъ которыхъ и въ той и другой по пяти отдѣленій. Начало первой главы состоитъ изъ подробной родословной русскаго народа, которую онъ начинаетъ съ Адама. Родословная эта съ одной стороны представлена > съ цѣлію показать мужество, воинскія доблести и подвиги богоизбраннаго народа русскаго, громкая слава котораго начинается со времени самыхъ отдаленныхъ, со времени Троянской войны <, а съ другой—показать ту

громадную пропасть, которая стоит между русскими, потомками Іафета, и латинянами, потомками Хама. Далѣ нашъ авторъ произноситъ приговоръ объ уніи. Мысль его такая. Единственная, истинная унія между востокомъ и западомъ возможна только при одномъ условіи, при отказѣ Римской церкви отъ всѣхъ своихъ заблужденій, нажитыхъ ею по отдѣленіи отъ Восточной. Продолжая полемику съ Кревзой, опровергаетъ всякое значеніе Флорентійскаго собора, а указывая на современныхъ уніатскихъ епископовъ: митрополита владыку Крупецкаго въ Перемышлѣ, Почаповскаго въ Луцкѣ, Паисія въ Пинскѣ, Іоасафа въ Полоцкѣ, Пакоста въ Холмѣ, не признаетъ ихъ пастырями церкви, не смотря на ихъ желанія такъ называться. Здѣсь онъ, между прочимъ, говоритъ о святотатствѣ этихъ епископовъ, о ихъ корыстолюбіи и о прочихъ добродѣтеляхъ іезуитскаго свойства. Во второй главѣ авторъ сначала описываетъ бѣдственное состояніе русскаго народа, всю тяжесть его жизни подъ гнетомъ польскихъ пановъ и въ особенности самое горькое положеніе въ этомъ отношеніи русскихъ священниковъ, доказывая, что притѣснять ихъ есть свойство людей нечестивыхъ. И все это горе принесла съ собою Унія! Но унія въ Россіи не только не можетъ быть принята безъ вѣдома патріарха, но, по словамъ Копыстенскаго, не должно было отступникамъ начинать ее безъ вѣдома и всѣхъ чиновъ духовныхъ и свѣтскихъ. Въ этомъ отношеніи онъ старается представить всю важность Брестскаго собора со стороны православныхъ и законныя дѣйствія членовъ его. Мысль его направлена противъ того, будто бы на соборѣ въ Брестѣ свѣтскіе люди не должны были имѣть участія. Дѣлая строгое различіе между спорными вопросами, авторъ доказываетъ, что вопросъ относительно суда надъ

лицами духовными долженъ быть рѣшаемъ исключительно только лицами того же званія; что же касается до вопроса о дѣлахъ вѣры, то рѣшеніе его принадлежитъ всей церкви, т. е. лицамъ духовнымъ и свѣтскимъ, какъ членамъ ея. Въ заключеніе Копыстенскій пишетъ панегирикъ памяти князей Острожскихъ Василя и Іоанна, высказываетъ нужду въ нихъ для церкви въ ея бѣдственные времена, выясняетъ мысль объ Уніи покойнаго князя Василя, превратно понятую отступниками, и наконецъ забавливаетъ передачей разговора между Баторіемъ и тѣмъ же княземъ относительно введенія Грегорианскаго календаря. Последнее слово автора здѣсь къ своимъ соотечественникамъ, это - мольба твердо стоять въ православіи и не смущаться хитрыми обманами. »Наконецъ замыкаю, говоритъ Копыстенскій, и печатаю тую книгу упомененнемъ таковымъ: въ пыльной и уважной ховайся, правовѣрный, осторожности, абы ся яко не захвѣяти въ вѣрѣ. Вѣнць и о правдѣ ту въ той книзѣ описанъ не вопити, а то гды противницы свои якии, которые не могутъ быти правдивыми, только въ словесѣхъ позорніи ставити будутъ выводы, лѣбо если бы кто противъ той моей книзѣ видалъ письма якии, не вѣрити имъ и не трватитися... Певне и тая въ той книзи правда, сильнѣйшою будучи, звияжаеть и пожираеть, якъ до сего часу, такъ и потомъ, если бы якии противныи выданыи похотѣли указати письма. Не дивоватися и не соблазнитися, гды нѣкоторые заблуждають и разумами своими уносять, рекль о таковыхъ апостоль, але не во всѣхъ есть розумъ, буды теды вѣренъ ажъ до смерти и дамъ ти корону живота. Аминь. Тѣ ѓѣ ѓѣ ѓѣ». Послѣ этихъ словъ слѣдуетъ подпись автора: »Иеромонахъ Захарія Копыстенскій Е і. рукою власною». 1)

М. Флоренцовъ.

1) Ч. 4 р. 2 ар. 5. стр. 522 об.